

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТОПОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТЕОРИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

Показано возникновение топологического восприятия социального пространства в социально-философском дискурсе. Выявлена возможность описания социального мира, взаимоотношений человека и общества, места социальных действий, местных сообществ с привлечением методов топологии. Проанализированы вопросы возникновения теории социальных полей у К. Левина и П. Бурдьё. Изложена возможность рассмотрения социальных ситуаций как силовых полей, интерпретации индивидуально-жизненного пространства, как поля психологического, привязки через топологию всех структурных взаимоотношений повседневного действия к месту, пространству социального действия. Социальные поля изображены через констелляцию «сил», «капиталов» и акторов. Дано изображение полевых концептов через многослойные контексты и функционирование понятийных медиумов в определенных полях. Определены понятия «габитус», «поле» для систематической детерминации практики.

Ключевые слова:

Социальное пространство, топология, теория социальных полей, силовое поле, габитус, индивидуальное жизненное пространство, среда.

Key words:

Social space, topology, theory of social fields, power field, habitus, individual vital space, human environment.

Вместе с «пространственным» или «топологическим поворотом» в социальных науках, альтернативно открывается пространственное и полевое (*feldhaftes* — нем.) понимание самой жизни. Топология — это учение о поле или месте, предполагающее единое топологическое восприятие пространства. Пространство воспринимается как социальное поле или как особая атмосфера, своеобразный центр, который нас, как людей, не только связывает, он как бы проникает в нас. Топология ведет междисциплинарный диалог в различных науках с современными и существовавшими ранее теориями пространства и поля. Топология требует настоящего интеркультурного понимания социальных процессов, происходящих в любых социальных системах.

Наши дальнейшие исследования связаны с описанием социальных процессов, происходящих в современных местных, локальных сообществах, с выявлением в их пространственной организации топологических констант, полевых характеристик и проведением топологического анализа сообществ с использованием широкого проблемно-постановочного и методического спектра, который дают топология и теории социальных полей.

Главный признак топологического анализа — гипотеза о социальной важности, релевантности пространства сообщества (места). Восприятия, действия, ощущения людей в сообществе структурируются не только через признаки квалификации, возраста, пола, национальной принадлежности, но и через топологические, пространственные признаки, через полевое пространство самого сообщества. Поэтому мы обратились к историческому анализу возникновения теорий социальных полей.

1. Социальная теория поля К. Левина

Отцом социальной теории поля является немецкий социальный психолог Курт Левин. Свою известность К. Левин получил не только через свои

работы по теории поля, он стал выдающимся аналитиком малых групп и сообществ, основателем «Теории групповой динамики», его концепты нашли свой резонанс и в социальной философии. Теория поля, как методологическая наработка К. Левина, предлагала альтернативу академической категориальной системе исследований. В его методологии критиковалось представление социальных феноменов в форме общих внеисторических категорий, в понятийных формах, которые в противовес эмпирическому содержанию априори фиксированы, и в них доминируют временные характеристики.

Предпосылкой научного успеха Курта Левина является то, что он не разделял возникающие предубеждения о том, что существует психологически, а что — социально. Многим современникам К. Левина действительность казалась следствием её измеримости. Измеримость, однако, это черта, которая меньше указывает на вещи, а больше — на инструменты исследователя. Он хотел найти такой психологический метод, который бы позволил перейти от феноменальной классификации к генетически-условному заключению конкретного отношения в специфической ситуации.

В оптике такой модели изменилась бы сама теория перспективы реальности или ирреальности. В любом случае многие психологические (практические) состояния, такие как социальная атмосфера, среда, ожидание, дружба, чувство свободы и несвободы, в мышлении лиц, привыкших к образам физического мышления, звучали бы совсем ненаучно. Курт Левин возражает против такой модели: «Если продумывают фундаментальное значение, которое в физическом событии подходит гравитационному полю или электрическому полю, то совсем не удивительно, открыть в психологии соответствующее значение для проблемы атмосферы» [1. С. 105].

Он диагностирует такие атмосферные состояния (состояния среды) как для человеческих групп, так и для отдельных индивидов (психологическая направленность, согласие, ожидание, чувство принадлежности). Именно этому посылу, с методологической точки зрения, обязана развитая К. Левиным психологическая теория поля. Основные элементы теории поля у К. Левина имеют определенный интерес для социальной философии, для исследования местных сообществ.

2. Рассмотрение общей социальной ситуации К. Левиным с точки зрения силового поля

«Вместо того чтобы воспринять один или несколько изолированных элементов одной ситуации, чье значение не может быть определено без учета общей ситуации, теория поля находит более преимущественным, как правило, начать с характеристики общей ситуации» [1. С. 104]. Поведение отдельного элемента, отдельного индивидуума в понятиях теории поля является результатом всех действующих в пределах поля факторов. Конструкции полевой теории заключают в себе все внутренние факты персоны, внешние факты окружения, в том отношении в каком они влияют на её (персоны) поведение к определенному моменту.

Теория поля К. Левина интерпретирует в психологии точку зрения о том, что человеческое действие не является статическим конгломератом отдельно действующих факторов, а состоит из психических общих констелляций, которые инициируют гибкое, постоянно воспроизводящееся поле напряжения. В этом состоит зависимость состояния одного фактора от другого, находящегося в совместной связке с первым. И эти поля — поле напряжения, силовое поле — обновляются во взаимоотношениях между индивидом и окружающим миром.

3. Интерпретация индивидуального жизненного пространства К. Левиным

Курт Левин обозначает психологическое поле как индивидуальное жизненное пространство. Возникновение этого понятия он объясняет тем фактом, что перспективы восприятия, переживания отдельного индивида основательно отличаются от общественной, коллективной, экономической, политической, творческой, научной рефлексии человеческого существования. Это центральная идея для психологии, которая по характеру явления не только ищет возможность перечислять, измерять и классифицировать человеческие нужды, но и уметь оказывать практическую помощь, идти вглубь за фактами, за видимую верхнюю поверхность.

В этом смысле и выработалось научное кредо К. Левина: «По моемулаганию, один из самых значимых черт теории поля лежит на поверхности, через которую определяется индивид, описываемый не в объективных, физических понятиях, а через формы, виды и образы, существующие для

индивида в означенное время. В действительности, в психологии описать ситуацию объективно, означает представить её как ситуацию из совокупности всех фактов и исключительно всех фактов, которые образуют поле конкретного данного индивида. Заменить мир индивида, его ситуацию ситуацией учителя, врача или кого бы то ни было, является фальшивым и не объективным» [1. С. 103–104].

Полевая теория К. Левина начинает анализ внутреннего состояния всех действующих (играющих) на поле сил. Одинаковые физические внешние условия могут привести к абсолютно разным последствиям в поведении, например у ребенка и взрослого или у директора и рабочего. Внешняя однозначность определяется только через совокупность общих факторов жизненного пространства. В жизненное пространство входят все психобиологические условия, одинаково даны ли они рассматриваемой персоне в переживании или нет, и все те внешне-психологические факты, насколько они влияют на поведение персоны в современный момент.

4. Топологические установки К. Левина

Кроме своего жизненного пространства индивид привязан психологически ещё к определенному пункту и месту. При становлении повседневной жизни возникает индивидуальная система психических маркировок, определенный порядок, который состоит из всеобщих, символических фиксаций, исходящих от мест и регионов внутри жизненного пространства, посредством которых возможна в релевантном социальном пространстве измеряемая структуризация повседневного действия. Чтобы было можно вывести поведение из внутреннего мира человека, требуется, по К. Левину, формальная модель, такой вид геометрии, метрики, внутри которой могли бы быть изображены повседневные структурные взаимоотношения. Он полагает, что такую возможность может дать топология, с точки зрения направления и удаленности, как минимума предпосылок для формального порядка жизненного пространства.

По мнению К. Левина, топология это система, которая фиксирует положение, район, отрасль участия внутри целого. В известном смысле любой теоретический посыл полевой перестройки уже лежит внутри поля, природа которого может быть любой. Природа поля может отобразить структуры, движения в поле между полевыми территориями, двумя агентами поля, а также сравнивать их и типологизировать. В полевом расположении мест, районов, секторов, отношений, принадлежности границ сделан первый шаг, чтобы понять внутри-полевую структуру точно также как, если бы это касалось индивидуального жизненного пространства или групповой констелляции в социально-действующих полях. Однако изображение психических направлений не нашло отражения в топологической установке К. Левина. Понятия «стремление», «воля», «конфронтация», «достижение

цели», «честолюбие», «конфликт» он не смог изобразить топологически.

Психологический настрой человека зависит от таких, казалось бы, сложно воспринимаемых состояний, как согласованность, настроенность. Эта настроенность проявляет себя «через надежды, желания и сильно окрашено его собственными воззрениями на своё собственное прошлое. Ориентация человека, его счастье, настроение, кажется больше зависит от его ожиданий будущего, чем от удовольствия или неудовольствия в современной ситуации» [1. С. 115]. Теоретический дискурс в полевых понятиях не удовлетворяется только тем, чтобы воспринимать диспозиции статических структур, он ставит перед собой задачу суметь изобразить действие векторов, физических направлений.

В дальнейшем психологическое поле Курт Левин обозначает через существование субъективной временной перспективы реальной и ирреальной размерности и через специфическую познавательную структуру человека. Эта методика таила в себе огромную инновационную силу, однако социальная философия и социология до середины 60-х гг. прошлого века не использовали те преимущества, которые несла полевая теория, как свободная от идеологии и непосредственно предлагающая теорию образования социального действия.

5. Социальная топология П. Бурдьё

Сегодняшний интерес к социальной топологии ориентирует нас также на тексты Пьера Бурдьё. В российском социально философском дискурсе было распространено мнение, что стиль употребления понятия «поля» у П. Бурдьё может быть тематизирован скорее как рамочный и несистематический. Однако, при тщательном изучении произведений Пьера Бурдьё, мы пришли к выводу, что «полевой взгляд» был всегда характерен для его стиля мышления. Он хотел показать, что за кажущимся второстепенным и употребляемым в обыденной речи словом «поле», скрывается методически осмысленный, постоянно используемый концепт. Изображение социально-философской модели поля у П. Бурдьё осуществляется по разработанной аналогии Курта Левина.

Своеобразный стиль мышления и письма П. Бурдьё всегда был поводом для различной критики. Нам кажется, что в этом кроется специфика его произведений, без которой были бы не мыслимы эмпирические и теоретические его достижения. В особой мере это касается его понятийного аппарата. Мы не находим у П. Бурдьё статического устройства понятий, точных категориальных систем, которые встречаются у К. Левина. Во всех темах своих исследований П. Бурдьё выделяет роль индивидуальных практик, установок и действий, их значения и смысла. Любое поле его исследования предлагает нам определенные понятийные следствия.

Замечательно выделяется у П. Бурдьё значение слова, оно изымается не в гарантированной одно-

значности к экстраполированной категориальной схеме, а конституируется через многослойные контексты, в соответствии с кредо Фердинанда де Соссюра, по которому язык свою стабильность завоевывает не из возвращения значительности и не из этимологического происхождения, а из подобного, похожего контекста значений. Высказывание как бы изображается тканью слова. Стиль П. Бурдьё напоминает также понятийность Эрнста Кассирера, которая также ориентирована на богатые полевые сочетаниями слова. Однако образные словосочетания, игра слов, редкие литературные находки Э. Кассирера стоят в одной связке с систематической дальновидностью его философии, с его операциональными понятиями.

У П. Бурдьё значения некоторых понятий, вытекающих из контекстуального поля слова, выводятся, соответственно его спецификации, через различные коннотации, а значение других понятий — через отдельные высказывания, элементарные образцы мышления, интеллектуальные схемы. И надо заметить, что никакой другой термин в текстах Пьера Бурдьё не обладает такой нечеткостью, как понятие «поле». Но, именно понятие «поле», красочно изображает образ мышления П. Бурдьё. Чтобы уметь реконструировать стиль мышления П. Бурдьё, неоспоримо, нужно понять теоретическую точку зрения поля или полевую точку зрения. «Поле» трактуется как выражение, как синоним «объективного принуждения», для систематической детерминации практики.

У Пьера Бурдьё мы натываемся на огромное богатство полей, онтологическая взаимосвязь которых для тех, кто ищет сведений о системном развитии, остается неясной. Только в одном его тексте «Социальное пространство и классы» речь идет о «политическом поле», о «поле власти», о «профессиональном поле», об «экономическом продуктивном поле», о «поле символической продукции», о «поле символических сил» и об «интеллектуальном поле», о «поле науки», о «поле литературы» [2. С. 33–45]. Кроме этого, в том же самом тексте, он проводит различие в структуре самих полей. Ещё позднее у него возникают так называемые части поля или подпространства поля, например подпространство поля одной партии в отношении к общему политическому полю.

Изыскания П. Бурдьё становятся собранием запутанных всевозможных полевых конструкторов. Следует заметить, П. Бурдьё излагает свое понятие «поле» точно в смысле К. Левина. П. Бурдьё решает эти проблемы в разные времена с помощью различных концептов. В определенное время укоренилось мнение рассматривать в этом плане категорию габитуса П. Бурдьё, как его генеральное решение, приветствуемое сторонниками и не воспринимаемое противниками. У нас складывается мнение, что

- понятие «габитуса» без теоретической подоплеки понятия «поля» не может однозначно воспринять индивидуальную экзистенцию и изо-

бражает только некое совершенствование структуралистской односторонности, а не её упразднение;

- «габитус», как главный концепт П. Бурдьё, ясно доказывает наличие в его текстах раннего происхождения обоснования полевой теории.

6. Социальное пространство П. Бурдьё как силовое поле

П. Бурдьё привязывает понятие поля не только к индивидуальному жизненному пространству, но и к социальному пространству, к полю социального действия. Здесь он следует таким же интенциям, как и К. Левин, а именно он:

- изображает констатируемые события не как результат только внешних причинных воздействий, но и как вызванные внутренними силами носителей действия;
- ищет такую модель, которая в состоянии воспринять общий объем институций, действующих в определенном социальном пространстве, выявить его особенные черты, которые придают акторам этого поля ту самую силу;
- разрабатывает модель, которая позволяет воспринять всю историю социального поля в любой момент; показать наглядно форму этого поля в институциях, (партии, профсоюзы, общественные организации и т. д.) и в инкорпорированной форме, (в диспозициях и установках тех, кто эти институты в жизни представляет или борется с ними).

П. Бурдьё понимает, что привести в действие филигранное сплетение внутренних действующих сил с существующими другими обстоятельствами, интегрировать микро- и макро-перспективы социальной организации дает возможность только мышление в категориях поля. Он изображает структуру социального устройства как определенную немеханическую комплексность с помощью категории силового поля. Социальные поля определяются не как рельсовые сети предписываемых социальных действий или как субстанциональные рамки действий, им предшествует в дикции П. Бурдьё скорее конституируемая экзистенция, из которой возникают конститутивные эффекты. Это означает, они являются результатом как формы, так и действия.

П. Бурдьё рассматривает социальное пространство, пространство сообществ в форме соотношения действующих на их полях сил. Мы находим у него следующие дефиниции:

- если возникает поле в социальном пространстве, то оно своим возникновением обязано какой-то силе, определенным акторам;
- поле получает различные конфигурации, по соотношению сил акторов;
- силовое соотношение в социальном поле зависит от позиций, занимаемых акторами.

«Социальное поле изображается как место встречи, взаимоотношений и акций, как коммуникативное поле. По аналогии с гравитационным,

магнитным и психологическим полем здесь речь идет не о территории, а о силовом поле» [3. С. 76].

7. Габитус П. Бурдьё

Интеграция понятия габитуса и мыслительной модели в категориях поля у П. Бурдьё обеспечивает преодоление антогонизма между субъектной и системной перспективой описания социальных пространств. Именно эта интеграция уже изначально расширяет полевую теорию К. Левина. Габитус представляет внутреннюю структуру субъекта. Он весомо отличается от жизненных факторов К. Левина, здесь во внимание берется только инкорпорированные элементы действия. Общественный климат, социальные притязания, стимулы и другие внешние привлекательности представляют важную движущую силу для поведения индивида, но они не достаточная часть субъекта и могут только тогда повлиять на индивидуальное действие, когда они вступают во взаимодействие со специфическими основами понимания, интерпретации и акцентирования этого субъекта. Речь идет об укорененных основах действия, не тех которые возникают ситуативно или под внешним прессингом.

Здесь П. Бурдьё приближается к самоопределению субъекта, но в смысле, когда самость субъекта акцептирует не интеллектуальную мораль или сартровский проект, а автохтонные структуры сознания, укорененные основы его земной жизни. И он предлагает не по старинной кантовской традиции, взяв лупу рассматривать эффект производства жизненных установок и жизненной практики, а все социально произведенное объективно измерить и описать. Тогда по смыслу получается возможность дифференциации между тем, что видится (содержание), тем, каким образом видится (способ), чем видится (инструмент).

Именно эти понятийные, инструментальные, акцептационные основы тематизируют понятие габитуса. Он не является собирательной категорией для всего, что как-то бы выглядело как внутреннее: мысли, планы, чувства, воззрения, установки или ценности. П. Бурдьё понимает габитус как элементарный модус по производству практик. В этой связи габитус представляет собой внутренний центр субъекта. Он является исходным пунктом всех его устремлений, точкой отсчета всех целей, связующим пунктом всех его интенций; именно габитус поставляет оптику видения, основной образец видения и понимания, меру оценки, тип социального вкуса.

П. Бурдьё исходит из того, что «поле может только тогда функционировать, если находятся индивиды, социально респондированные, способные действовать как ответственные акторы, которые рискуют в этом поле своими деньгами, своим временем, даже своей честью или жизнью, чтобы привести в действие всю игру, несмотря на прибыли и преференции, которые обещаются, и которые из за другой перспективы могут казаться иллюзорными» [2. С. 75].

Потребность акторов к действию связывается не только с целью действия и с внешними понуждениями, но и с соединением габитуса и поля. Происходит определение габитусом того, что его и самого определяет. Взаимосвязь между габитусом и полем рождает концепт, который включает это взаимодействие и дает возможность преодолеть дихотомию социальной теории и системной теории, а также связать их с субъективной философией, в которой он их теоретически постигает и где он исследует метатеоретические универсальные формы конкретных ситуаций внутри поля. Такая модель в состоянии видеть, понимать, регистрировать механизмы социальных стимулов и феноменов социальной направленности индивидов.

На примере рыночной модели П. Бурдьё пытается показать те отрасли, которые трансформируют ресурсы, но не имеют собственной способности к циркуляции: образование, стиль, престиж, привилегии и другие подобные. В рамках социального поля отображаются через понятие «капитала» ресурсы, которые приводятся в движение внутри поля, чтобы состоялись возможности действий, интриги, конфликты. Эти ресурсы, обладающие «капиталами», могут констеллировать власть, силу в определенных полях. «Капитал», таким образом, становится не как у К. Маркса специфическим производственно-циркуляционным отношением, но более генерализованным, общим выражением для ресурсов действующих акторов, для концентрации властных действий.

Это дает возможность соотнести различные виды ресурсов с точки зрения социальной важности и качественно различные формы нацелить на одинаковый эффект. Таким образом, переходит трансформация различных видов полей друг в друга и трансфер между различными полями. Становится возможным разъяснение форм, содержаний и специфических образований, которые предписываются стремлению максимизировать специфические прибыли, ресурсы, капиталы (культурной или символической природы). Такое рассмотрение возможно только на основе существования «неизменяемых принципов логики полей, на основе элементарного структурирования социальных действий по полевым принципам» [4. С. 96]. Понятия «габитус», «поле», концепция «капитала», «ресурсов», указывают друг на друга. Без полевой теоретической подоплеки теория капитала и ресурсов не получает правильной позиции. Только рыночное движение капитала и ресурсов отодвигает в сторону другие важные силы формирования социального действия, если действия всех акторов отображаются по рыночным принципам, это искажает общую конституцию социального поля.

Совсем наоборот детерминируется структура одного социального поля «через распределительную структуру капитала и связанных с этим ресурсов внутри различных полей» [2. С. 27]. Объективированный капитал получается только такого состава, «который дают те силы, которые разыгрывают-

ся внутри поля» [5. С. 358]. В любом социальном поле при распределении различных видов ресурсов, интересов, капитала кристаллизуются специфические констелляции акторов. И это происходит не только из экономической или социальной рациональности, как общепринято думать, но, прежде всего, из каждодневной борьбы или взаимодействия акторов внутри поля. Констелляция является не только практической, но и духовной структурой поля.

Из структур символических форм, складывающихся в головах, выражаемых в жестах, взглядах акторов, действующих лиц репродуцируется и оформляется практическая структура поля. Так, анализ П. Бурдьё предполагает учет культурных практик в «тонких различиях», «сети элементарных объектных пар», «видов матрицы всех тайных мест» [5. С. 358]. Социальная причинность, казуальность не может быть полно отражена через механически-агрегированную или кибернетическую модель. Отдельные факторы одного поля не могут быть представлены как части одного агрегата, механизма. Внутри каждого поля есть такие эффекты, которые могут быть описаны только как атмосферные обстоятельства, среда.

Очень трудно указать на эти эффекты и теоретически их образовать, так как среду нужно рассматривать как невидимый медиум, аналитически представляемый только посредством её последствий, и в причинный ряд среды входят совершенно различные причинные факторы. Здесь и возникает теоретическая полевая методика как надежное решение. И уже К. Левин излагал свой полевой концепт таким образом, что вместе с ним учитывались атмосферно-групповые и обусловленные средой события. Из этих соображений он отклонял методологическую и понятийную ориентацию на механически-физическую научную парадигму и развивал свою собственную, специфически психологическую понятийность [4. С. 105].

В среде находят выражение отдельные черты поля, как вида глобального состояния. Отсюда становится ясным, что социальные поля обозначаются через внутреннюю динамику, релятивную автономию в соотношении к глобальным событиям и к развитию в других полях. Они функционируют по своей логике. Понятие поля делает возможным восприятие специфически отраслевых, внутригрупповых и опосредованных средой действий. Спонтанность и экспрессивность человеческого действия могут быть показаны в оригинальном переплетении действия с предметными и системными необходимостями.

В начале нашего исследования отмечено, что употребление понятия «поле» носят у П. Бурдьё только рамочный характер, сейчас мы видим, что теоретически полевой образ мышления — отправной пункт всей теории понятийного образования П. Бурдьё. Такой образ мышления позволяет:

- преодолеть дихотомию системной и субъектной теории;

- искать методологические решения для этого преодоления.

Во всех своих произведениях П. Бурдьё не упускает возможности указать на последствия полевого теоретического образа мыслей: «Мышление в понятиях поля требует изменения всех привычных точек зрения о социальном мире» [2. С. 71].

Концепт социального поля является единственной гарантией (по меньшей мере с методологической точки зрения) уклониться от указанных субстанционалистских направлений или, если сказать словами К. Левина, гарантией разработки условно-генетической понятийности, которая остается строго в контексте конкретного и актуального в топологическом дискурсе социальной философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Levin K. Feldtheorie in den Sozialwissenschaften. Ausgewählte theoretische Schriften (hrsg. Von Dorwin Cartwright). — Bern und Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1963. — 395 S.
2. Bourdieu P. Sozialer Raum und Klassen. — Frankfurt am Main: Luchterhand, 1985. — 82 S.
3. Bourdieu P. Zur Soziologie der symbolischen Formen. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974. — 204 S.

Выводы

Обновленное введение в социально-философский дискурс понятий пространства, поля, пространственного воображения, топологии дает возможность рассматривать пространственное, социальное и историческое как одинаковые равноценные перспективы.

Изменения, происходящие в современных социальных системах, сообществах, могут быть достаточно полно представлены топологическими характеристиками, и их топологический анализ располагает широким проблемно-постановочным и методическим спектром.

Пространственные концепты и теории социальных полей К. Левина и П. Бурдьё показывают, что изучение общества, сообществ возможно только посредством социальной топологии.

4. Bourdieu P. Sozialer Sinn. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. — 186 S.
5. Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. — 391 S.

Поступила 22.02.2012 г.

УДК 114

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ» И ВОЗМОЖНОСТЬ НОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

Проведен исторический анализ философских изысканий, рассматривающих пространственное, социальное, историческое как одинаковые и равноценные перспективы существования. Показано, что пространство выступает на первом месте в обозначаемых горизонтах исследования местных сообществ, социальных систем, мест, где происходят коммуникации человека и общества.

Ключевые слова:

«Пространственный поворот», дуализм, социальность пространства, «триалектика пространственности», пространственный капитал, топология, пространственная причинность, полевое пространство, индивидуальное жизненное пространство, среда.

Key words:

«Spatial turn», dualism, sociality of space, «trialektik of space», spatial capital, topology, spatial causality, field space, individual vital space, environment.

Исследователи социальной философии становятся сегодня свидетелями так называемого «пространственного поворота» (*spatial turn*). Любое теоретическое или эмпирическое исследование человека или общества, так или иначе упирается в вопросы пространства, поля, пространственного воображения, топологию места, топологическую составляющую сообществ.

Наша персональная мотивация исследования роли пространственных проблем в процессах об-

щественного развития и значения пространственных составляющих в анализе социальных систем, таких как местные сообщества, появилась не только из теоретического интереса, но, главным образом, из-за большого количества вопросов, которые возникают при практических и эмпирических исследованиях этих локальных социальных систем. В рамках исследования местных сообществ постоянно дискутируются вопросы о социально-пространственных феноменах и о связанных с про-